

ОШ МАМЛЕКЕТТИК УНИВЕРСИТЕТИНИН ЖАРЧЫСЫ

ВЕСТНИК ОШКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

BULLETIN OF OSH STATE UNIVERSITY

ISSN: 1694-7452 e-ISSN: 1694-8610

№4/2025, 58-75

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК: 32:316.6:659.4(575.2)

DOI: [10.52754/16948610_2025_4_5](https://doi.org/10.52754/16948610_2025_4_5)

**СТРАТЕГИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛИЧНЫХ ТРАВМ В ПОЛИТИЧЕСКОМ
ИМИДЖМЕЙКИНГЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

**САЯСИЙ ИМИДЖДИ ТҮЗҮҮДӨ ЖЕКЕ ЖАРАКАТТАРДЫ ПАЙДАЛАНУУ
СТРАТЕГИЯЛАРЫ: САЛЫШТЫРМА ТАЛДОО**

**STRATEGIES FOR USING PERSONAL TRAUMA IN POLITICAL IMAGE-MAKING: A
COMPARATIVE ANALYSIS**

Омуракунова Асель Амангелдиевна

Омуракунова Асель Амангелдиевна

Omurakunova Asel Amangeldievna

аспирант, Бишкекский государственный университет им. К.Карасаева

аспирант, К. Карасаев атындагы Бишкек мамлекеттик университети

graduate student, Bishkek State University named after. K. Karasaev

asel.omurakunova.ch@gmail.com

ORCID: 0009-0001-2229-6901

Касыбеков Азамат Усомудунович

Касыбеков Азамат Усомудунович

Kasybekov Azamat Usomudunovich

медиаэксперт, Независимый союз журналистов Кыргызской Республики

медиаэксперт, «КРнын ККС» коомдук уюму

Media Expert, In dependent Union of Journalists of the Kyrgyz Republic

azamatkasyb@gmail.com

СТРАТЕГИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛИЧНЫХ ТРАВМ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИМИДЖМЕЙКИНГЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация

В статье анализируются стратегии политического имиджмейкинга, основанные на личной травме — заключении, болезни, утрате. Исследование основано на четырёх кейсах: Нельсон Мандела, Аун Сан Су Чжи, Джон Феттерман и Садыр Жапаров. Цель — выяснить, как травматический опыт используется для формирования публичного образа и насколько такие стратегии эффективны в разных культурных и политических контекстах. Методология — качественный сравнительный анализ с применением дискурса- и контент-анализа публичных высказываний, медиаматериалов и визуального контента. Вывод: личные страдания могут усиливать эмоциональную связь с избирателями и укреплять легитимность, но успех стратегии зависит от культурных ожиданий и требует подкрепления реальными действиями. Работа позволяет прогнозировать общественную реакцию и выстраивать этически обоснованные подходы к использованию личных историй в публичной политике.

Ключевые слова: политический имидж, личная травма, публичное восприятие, сравнительный анализ, имиджмейкинг, эмоциональная связь, культурный контекст

САЯСИЙ ИМИДЖДИ ТҮЗҮҮДӨ ЖЕКЕ ЖАРАКАТТАРДЫ ПАЙДАЛАНУУ СТРАТЕГИЯЛАРЫ: САЛЫШТЫРМА ТАЛДОО

STRATEGIES FOR USING PERSONAL TRAUMA IN POLITICAL IMAGE-MAKING: A COMPARATIVE ANALYSIS

Аннотация

Бул макалада лидерлердин жеке травмалык тажрыйбасына негизделген саясий имидж түзүү стратегиялары каралат. Талдоонун төрт мисал негизин түзөт: Нельсон Мандела, Аун Сан Су Чжи, Жон Феттерман жана Садыр Жапаров. Изилдөөнүн максаты — камак, оор илдет жана жоготуулар сыяктуу окуялар лидердин коомдук бейнесин түзүүдө кандайча колдонулуп жатканын жана алардын ар кандай маданий жана саясий шарттарда кандай натыйжа берерин аныктоо. Методологияга коомдук билдирүүлөрдү, медиа жана визуалдык материалдарды дискурс жана контенттик талдоо аркылуу сапаттуу салыштырма изилдөө кирет. Жыйынтыктар көрсөткөндөй, жеке азап-тозок саясий легитимдүүлүктү бекемдеп, шайлоочулар менен эмоционалдык байланыш түзө алат. Бирок мындай стратегиялардын ийгилиги маданий күтүүлөргө жараша болот жана чыныгы аракеттер менен негизделүүгө тийиш. Изилдөөнүн практикалык мааниси — коомдук пикирди алдын ала баалоого жана жеке окуяларды коомдук дискурста этикалык негизде пайдалануунун жолдорун иштеп чыгууга көмөктөшөт.

Abstract

The article explores political image-making strategies based on leaders' personal traumatic experiences. The analysis focuses on four case studies: Nelson Mandela, Aung San Suu Kyi, John Fetterman, and Sadyr Japarov. The aim is to examine how experiences such as imprisonment, house arrest, or serious illness are used to construct a public image, and how effective these strategies are in different cultural and political contexts. The methodology includes qualitative comparative analysis using discourse and content analysis of public statements, media coverage, and visual materials. The findings show that personal suffering can enhance political legitimacy and strengthen emotional connection with voters. However, the success of such strategies depends on cultural expectations and must be supported by real actions. The practical significance of the study lies in its potential to predict public perception of political figures and to develop ethically grounded approaches to using personal narratives in public discourse.

Ачык сөздөр: саясий имидж, жеке травма, коомдук кабыл алуу, салыштырма анализ, имидж түзүү, эмоционалдык байланыш, маданий контекст

Keywords: political image, personal trauma, public perception, comparative analysis, image-making, emotional connection, cultural context

Введение

В современной политической коммуникации всё большую роль играют личные истории лидеров. Особое внимание привлекает феномен *травматического имиджа* — публичного образа политика, основанного на пережитом им травматическом опыте (например, заключении, болезни или ином испытании). Такой имидж предполагает открытое деление личной историей страдания и преодоления, становящейся частью политической идентичности и источником легитимации. Актуальность темы обусловлена несколькими факторами: ростом эмоционализации политики, усилением роли медиа в распространении нарративов жертвы и преодоления, а также запросом на «настоящих» лидеров в условиях кризиса доверия к традиционным элитам. Цель исследования — проанализировать стратегии формирования травматического имиджа и реакцию на них со стороны аудитории. Задачи исследования: рассмотреть приёмы интеграции травмы в политический образ; восприятие таких стратегий публикой (доверие, эмпатия, ощущение компетентности); культурные и системные различия в использовании образа страдающего лидера на примерах (США, Мьянмы, ЮАР и Кыргызстана); ограничения и риски подобных подходов.

Теоретическая база

Теория посттравматического роста

Концепция посттравматического роста (Post-Traumatic Growth, PTG), разработанная Р. Тедески и Л. Калхуном, объясняет, как экстремальный стресс может запустить процесс личностной трансформации — усиление внутренней силы, переоценка ценностей, углубление отношений (Tedeschi & Calhoun, 1996, с. 455–456). Для политического лидера травма может стать основой харизмы, символизируя стойкость и жизненную мудрость. Публичное осмысление боли как источника роста повышает доверие к лидеру, демонстрируя его психологическую устойчивость. Как подчёркивают Л. Дель’Оссо и соавт., в массовом сознании страдание нередко воспринимается как очищающий опыт, усиливающий моральный статус (Dell’Osso et al., 2022).

Концепт «раненого лидера»

Образ «раненого лидера» отражает идею, что личная травма способна стать источником легитимности и эмпатии (Ackerman & Maslin-Ostrowski, 2004). Эта фигура перекликается с метафорой «раненого целителя» Ноуэна: человек, прошедший через страдание, приобретает особую способность помогать другим (Nouwen, 1972). В политике такая уязвимость воспринимается как знак подлинности и способности понимать «народную беду». Демонстрация боли может усиливать эффект парасоциальной близости, сокращая дистанцию между лидером и аудиторией. Исследования показывают, что информация о физическом недуге лидера часто вызывает у избирателей сочувствие и повышает оценку его честности и трудолюбия (Reher, 2021). Однако восприятие травмы остаётся амбивалентным: наряду с сочувствием возможна трактовка как признака слабости или неспособности к эффективному управлению. В истории не раз предпринимались попытки скрыть болезни лидеров, чтобы сохранить их образ сильной фигуры. Сегодня, в условиях информационной прозрачности, такая стратегия становится рискованной. Поэтому раскрытие травмы должно сопровождаться демонстрацией силы, восстановления и лидерской дееспособности. Если концепция посттравматического роста описывает внутреннюю трансформацию после травмы, то концепт «раненого лидера» фокусируется на её восприятии обществом.

Культурные различия. Восприятие страдающего лидера определяется культурно-историческим контекстом. В западных либеральных демократиях усилилось уважение к автобиографической уязвимости: личные истории преодоления трудностей стали частью политического имиджа и воспринимаются как свидетельство искренности и силы характера (Lilleker et al., 2006). В коллективистских культурах страдание лидера часто символизирует страдание народа. Например, Аун Сан Су Чжи в Мьянме воспринималась как «мать нации», а её аресты – как духовный подвиг, что способствовало её мифологизации до прихода к власти (Sampson, 2011). В постсоветских обществах, таких как Кыргызстан, популярен образ «жертвы системы»: страдания политика от коррумпированного режима воспринимаются как знак его подлинности. Садыр Жапаров использовал этот нарратив, позиционируя себя как несправедливо осуждённого борца, что укрепило его легитимность после прихода к власти в 2020 году (BBC News, 2021). Религиозно-культурные коды также формируют трактовку лидерского страдания. В ЮАР образ Нельсона Манделы связывается с философией *ubuntu*, основанной на милосердии и взаимосвязанности. Его прощение после 27 лет заключения воспринималось как выражение духовной силы и соответствовало национальному идеалу примирения (Pikulicka-Wilczewska, 2021). В христианских традициях нарратив жертвенности может придавать лидеру черты христологического спасителя. А в светских и прагматичных культурах демонстрация уязвимости иногда воспринимается как манипуляция или PR-ход. Таким образом, одна и та же стратегия — например, публичное признание боли — может вызывать сочувствие в одних контекстах и восприниматься как слабость в других.

Методология

Исследование выполнено в русле качественного сравнительного анализа, с целью понять и сопоставить стратегии имиджмейкинга лидеров в разных контекстах. В фокусе – четыре кейса: Нельсон Мандела, Аун Сан Су Чжи, Джон Феттерман и Садыр Жапаров (Африка, Юго-Восточная Азия, Северная Америка, Центральная Азия). Они отобраны по принципу максимального различия: регион, тип травмы и политический режим. Общий критерий – наличие личной травмы, использованной в публичном образе. Применялись следующие методы:

- **Дискурс-анализ:** изучены тексты, где лидеры сами говорят о травме или она обсуждается в СМИ; внимание уделено фреймам («жертва», «герой») и метафорам.
- **Контент-анализ медиа:** проанализированы СМИ и соцсети, выявлены оценочные маркеры образа лидера.
- **Визуальный анализ:** рассмотрены фото, видео и символические элементы, подчеркивающие или смягчающие тему травмы.
- **Кросс-кейсовый анализ:** сопоставлены случаи по параметрам – тип травмы, нарратив, реакция аудитории, культурный контекст – для выявления универсальных и специфических паттернов.

Эти методы позволяют выявить как универсальные паттерны обращения к травме в лидерском имидже, так и контекстуально-специфические различия.

Анализ кейсов

Нельсон Мандела: 27 лет в тюрьме и стратегия прощения

Рис. 1. Нельсон Мандела с женой Винни после освобождения из тюрьмы, ЮАР, 1 февраля 1990 года. Фото: Allan Tannenbaum

Биография Нельсона Манделы – один из самых ярких примеров превращения личной травмы в политический капитал. В 1964 году Мандела был приговорён к пожизненному заключению за борьбу против апартеида и провёл в тюрьме долгих 27 лет. Этот период несомненно стал тяжелейшим испытанием: годы изоляции, принудительных работ, разлуки с семьёй. Однако, выйдя на свободу в феврале 1990 года, 71-летний Мандела не проявил ни жажды мести, ни озлобления. Напротив, он сразу взял курс на стратегию прощения и примирения, превратив тем самым свою личную историю страдания в моральный фундамент нового национального лидерства (*BBC News*, 2013).

Ключевые элементы этой стратегии прослеживаются уже в первых шагах Манделы на свободе. Выйдя из ворот тюрьмы, он публично поднял сжатый кулак – жест победы, но не угрозы. Как отмечают очевидцы, вокруг царила эйфория: *«воскресный день 11 февраля 1990 года в ЮАР стал поворотным: Мандела вышел на волю... толпы ликующих людей, сдерживаемые полицией, пытались увидеть своего освободившегося лидера»* (Zhawgo, 2020). Уже через несколько часов Мандела выступил с речью, где призвал народ к единству и простил своих противников. Этот месседж прощения стал центральным: *«Он объединил страну тем, что не начал войну – он остался привержен миру и научил многих из нас прощению»*. Священник Роберт Деннис вспоминал, что Мандела *«принёс с собой ауру мира»*, выйдя из тюрьмы (Pikulicka-Wilczewska, 2021), и именно прощение бывших угнетателей позволило Южной Африке избежать кровавой расправы после отмены апартеида.

Таким образом, личная травма Манделы – десятилетия несправедливого лишения свободы – была им самим переосмыслена как жертва во имя будущего. Он показал народу пример того, что прошлое надо не мстительно возмещать, а исцелять через правду и прощение. Эта позиция нашла институциональное выражение в создании Комиссии по истине и примирению (1995), где Мандела и архиепископ Д. Туту проводили линию *«нет возмездия – да исцелению через признание»*. В имиджевом плане Мандела стал восприниматься как моральный авторитет, *«наставник по прощению»*. СМИ всего мира прославляли его величайшую добродетель – отсутствие озлобленности. Например, по случаю его смерти в 2013 году BBC писала, что он *«объединил ЮАР, научив прощать»*.

Авторитет Манделы поднялся настолько высоко, что его личное страдание сравнивали с евангельским: часто звучала фраза, что «Мандела вышел из темницы без ненависти, словно идеальный христианин, простивший врагов». В африканской философии *ubuntu* его поступок объясняли как проявление глубинного общечеловеческого гуманизма – «я есть, потому что мы есть», то есть свобода Манделы ничего не значила бы без освобождения всего народа от груза мести.

Необходимо отметить, что стратегия прощения не означала забвения. Мандела последовательно говорил о необходимости помнить ужас апартеида, но «не становиться его зеркалом». Он удержал радикально настроенную часть Африканского национального конгресса от соблазна реванша. Практическим результатом такого имиджа стало то, что белое меньшинство ЮАР приняло Манделу как легитимного лидера: они не боялись репрессий с его стороны, благодаря чему переход к демократии прошёл относительно мирно. В международном плане Мандела превратился в глобальный символ силы духа и примирения. Его травматический капитал (англ. *trauma capital*) – репутация человека, испытавшего крайнее страдание и не ожесточившегося – обеспечил ему колоссальный моральный вес на мировой арене.

Вместе с тем, важно понимать, что успех стратегии Манделы обусловлен контекстом. Южная Африка стояла на пороге этнорасовой войны, и народ жаждал мирного исхода – поэтому они были готовы последовать за лидером, предложившим мир. Кроме того, у Манделы была харизма и долгая история борьбы, что придавало его призывам вес. Таким образом, кейс Манделы демонстрирует, что личная травма может стать основой позитивного, объединяющего имиджа лидера, если он транслирует ценности, преодолевающие эту травму (в данном случае – прощение как преодоление боли). Мандела превратил свою тюрьму из символа мучений в символ морального триумфа – и тем самым вписал своё личное испытание в национальный миф об избавлении от прошлого ради будущего.

Аун Сан Су Чжи: домашний арест и образ жертвы режима

Рис. 2. Аун Сан Су Чжи принимает цветы от сторонников у ворот своего дома сразу после освобождения из-под домашнего ареста, Янгон, ноябрь 2010 г. (AFP).

Аун Сан Су Чжи, бирманская оппозиционерка и лауреат Нобелевской премии мира, большую часть своей политической карьеры провела в условиях ограничения свободы – под домашним арестом. С 1989 по 2010 год она суммарно провела под арестом около 15 лет (с перерывами), став едва ли не самым известным политическим узником совести конца XX века (*BBC News Русская служба*, 2021). Её случай – пример сознательного конструирования образа «великомученицы демократии», как её называли западные СМИ. Стратегия Су Чжи в имиджевом плане заключалась не столько в активных действиях (она долгое время вообще была отрезана от прямого общения с народом), сколько в пассивном стоическом сопротивлении, которое транслировалось через международное сообщество и её партию «Национальная лига за демократию» (НЛД).

Во время многолетнего заточения Су Чжи практически не появлялась публично, но её фигура не сходила со страниц мировых газет. Благодаря кампаниям поддержки, особенно после присуждения ей Нобелевской премии мира в 1991 года, в массовом сознании закрепился её травматический имидж: хрупкая, элегантная женщина, мирно борющаяся против brutальной хунты, готовая пожертвовать личной свободой ради своего народа. Её называли «иконой ненасильственного сопротивления». Например, BBC отмечала, что в период ареста она была превозносима как «выдающийся пример силы бессильных» (Zhawgo, 2020). Эта фраза – *«power of the powerless»* точно отражает суть образа Су Чжи: не имея ни официальной должности, ни армии, ни возможности публично выступать, она воплощала моральную силу, черпаемую из страдания.

Когда её впервые освободили (на короткий срок в 1995 г.), вокруг её дома собрались огромные толпы людей, видевших в ней почти святое лицо. Сравним с 2010 годом, когда она была снова освобождена: *«Огромные толпы приветствовали Аун Сан Су Чжи при её освобождении из-под ареста в 2010 г.»* – сообщал BBC с фотографией ликующих людей у её дома. На этой фотографии (Рис. 2) Су Чжи запечатлена у ворот, принимающей букет цветов от восторженных сторонников. Она улыбается, выглядит спокойной и доброжелательной – ни тени гнева или призывов к мести. Это напоминает образ Манделы, хотя контекст другой: Су Чжи ещё предстояло вести реальную политическую борьбу, но её имидж уже сложился – как символ миролюбия и надежды. В день её освобождения народ пел гимн и скандировал её имя, что свидетельствует о масштабе эмоциональной связи.

Стратегия Су Чжи во многом диктовалась традицией буддийского миротворчества и наследием её отца, генерала Аун Сана (героя независимости Бирмы). Она практически персонифицировала все страдания народа под военной диктатурой. Её сын Александр Арис в Нобелевской речи 1991 г. сказал: *«Посредством своей самоотверженности и личной жертвы она стала достойным символом, через который может быть признано бедственное положение всего народа Бирмы»* (NobelPrize.org, 1991). Это признание важно: сама Су Чжи настаивала, что премия и честь – не лично ей, а *«всем мужчинам, женщинам и детям Бирмы, продолжающим жертвовать своим благополучием, свободой и жизнями ради демократии»*. Таким образом, личная травма (многолетняя несвобода, разлука с семьёй – муж и дети жили за границей, и она не видела их годами, её муж умер от рака, не дождавшись встречи) была интегрирована в коллективный нарратив. Су Чжи превратила свою историю в метафору страданий всего народа: *«одинокая борьба в заточении – часть гораздо более крупной борьбы за освобождение духа человека от тирании»* (NobelPrize.org,

1991). В имидже Су Чжи важно было сочетание личного и национального: её боль = боль нации.

Особо стоит подчеркнуть гендерный аспект травматического имиджа Су Чжи. Будучи женщиной-лидером в традиционном обществе, она сумела использовать традиционные стереотипы о женской жертвенности себе на пользу. В бирманской культуре как и во многих азиатских образ страдающей матери или жены, сохраняющей достоинство перед лицом несчастья, вызывает особое уважение. Су Чжи часто называли «Амей Су» – Мать Су. Её неподвижная фигура за воротами дома, отрезанная от мира, воспринималась как олицетворение терпения и верности идеалам. Такой материнско-жертвенный образ вызывал меньше страха у власти – женщина казалась менее опасной, чем вооружённый мужчина, и одновременно больше эмоционального отклика у народа – за ней стояла аура святости. В 1990-е и 2000-е годы международные медиа создавали вокруг неё ореол чуть ли не «восточной Богородицы»: её фотографии в традиционной бирманской одежде, с цветком в волосах, сидящей спокойно под портретом отца, обошли весь мир.

В практическом политическом результате эта стратегия привела к тому, что военные власти Мьянмы, желая смягчить международное давление, периодически её освобождали и вступали в переговоры. Она стала для режима незримым оппонентом, но с кем нужно считаться. В 2010 году, когда её окончательно освободили, к тому времени режим уже затеял управляемую либерализацию, и включение Су Чжи в политический процесс стало неотвратимым. На выборах 2015 года её партия победила – во многом благодаря тому, что имя Су Чжи ассоциировалось у избирателей с моральной чистотой и стойкостью. Её травматический капитал конвертировался в электоральный.

Вместе с тем, последующий поворот в её репутации, после 2017 года, когда её правительство обвиняли в бездействии в отношении притеснения мусульман-рохинджа, показал хрупкость имиджа, построенного на прошлом страдании. Международное сообщество было разочаровано тем, что «икона прав человека» на высоком посту фактически отошла от идеалов. Это демонстрирует, что травматический имидж, не подкреплённый соответствующими действиями в настоящем, может обернуться утратой морального капитала. Однако внутри Мьянмы Су Чжи сохраняет популярность: её образ мученицы снова актуализировался после военного переворота 2021 года, когда её вновь арестовали. Для многих бирманцев она опять стала символом страдания народа под гнетом хунты. Таким образом, кейс Су Чжи иллюстрирует двойность стратегий травматического имиджа: с одной стороны, личная трагедия принесла ей политический капитал и статус морального лидера, с другой – он же создал завышенные ожидания и поставил её репутацию в зависимость от безупречного морального поведения.

Джон Феттерман: инсульт и стратегия открытости

Джон Феттерман – американский политик, в 2022 году избранный сенатором США от штата Пенсильвания – представляет иной тип «травматического имиджа», связанного не с преследованием или тюрьмой, а с личным здоровьем. В мае 2022 года, в разгар предвыборной кампании за место в Сенате, 53-летний Феттерман перенёс тяжёлый инсульт. Болезнь едва не стоила ему жизни и вывела из строя на несколько недель; после инсульта у политика остались проблемы с восприятием устной речи и артикуляцией. Тем не менее, Феттерман решил не уходить из гонки и избрал для себя стратегию максимальной открытости и искренности в отношении своих недугов, превратив тему здоровья из

потенциально уязвимого места в центральный элемент своего имиджа как «простого парня, столкнувшегося с трудностями и не сдающегося».

Рис. 3. Автор: Gene J. Puskar | Источник: AP

Эта стратегия проявилась в том, как Феттерман вел кампанию после инсульта. В первых, он публично признал серьёзность своих проблем, избегая приукрашивания. На первых же выступлениях после возвращения он шутливо спросил у аудитории: «Все слышали, что у меня был инсульт?» – вызвав смех и аплодисменты. Затем добавил серьёзно: «Правда в том, что это изменило всё в моей жизни», пояснив, что теперь вынужден использовать субтитры, чтобы полностью понимать речь (Fetterman, 2022). Такой уровень откровенности – признание когнитивных трудностей – шаг беспрецедентный для политики, где обычно скрывают любые слабости. Но Феттерман сознательно сделал ставку на честность, рассчитывая заслужить доверие. Он постоянно подчёркивал, что идёт на поправку, что врачи дают ему хорошие прогнозы, и одновременно демонстрировал самоиронию. В одном интервью он показательно неправильно произнёс слово «эмпатичный», оговорившись («emphetic» вместо empathetic), и тут же указал на это как на пример последствий инсульта, не пытаясь скрыть. Такая прозрачность произвела двойственный эффект: с одной стороны, соперники-республиканцы нападали на него, заявляя о его недееспособности, с другой – многие избиратели оценили человечность Феттермана и посчитали его смелым и честным за то, что он не прячется.

Элементом имиджевой стратегии стало использование технологий для компенсации недуга – на дебатах и интервью Феттерман выступал с системой субтитров, которая транскрибировала вопросы, чтобы он их читал. Политик открыто объяснял причину: «Иногда я слышу вещи не идеально ясно. Поэтому я использую надписи, чтобы видеть, что вы говорите» (The Guardian, 2022). Этим он не только нивелировал свой недостаток, но и послал сигнал избирателям с инвалидностью: мол, я понимаю ваши проблемы и готов адаптироваться. Действительно, организация избирателей с ограничениями по слуху поддержала его за такой пример инклюзии. Более того, в американском обществе, где тема психического и физического здоровья перестаёт быть табу для публичных фигур, Феттерман стал своего рода образцом антистигматизации. После выборов он сделал ещё более смелый шаг, признавшись в начале 2023 года, что страдает от депрессии (возможно, отчасти постинсультной), и даже на несколько недель ложился в больницу на лечение. И вновь – полная открытость, пресс-релизы, фотографии из клиники. В другое время подобный шаг мог бы поставить крест на политической карьере, однако на этот раз общественное мнение в

значительной степени проявило понимание, отмечая, что демонстрация уязвимости сближает политика с людьми, переживающими схожие трудности, — об этом писали в *New York Magazine*, *The Guardian* и *Vanity Fair*.

В рамках сравнительного анализа можно сказать, что Феттерман капитализировал свою травму через эмпатию и аутентичность. Его предвыборные ролики и выступления строились на идее «мы все можем оказаться в беде, и я не исключение; главное – стойкость». Это хорошо соответствовало его общему имиджу: ранее Феттерман прославился как неформальный политик-брутал (бритоголовый 2-метровый мужчина в толстовке), близкий к рабочему классу (рис. 3). Инсульт добавил к этому образу новый слой – уязвимый боец. Многие избиратели сочли его более искренним и заслуживающим доверия, чем типичных политиков, которые казались «гладкими» и не способными понять проблемы простых людей.

Однако стратегия «открытой травмы» имела и риски. Теледебаты в октябре 2022 года, когда Феттерман выступал в прямом эфире с видимыми речевыми затруднениями, вызвали тревогу даже среди его сторонников. Некоторые наблюдатели сочли, что он выглядел слишком слабым, и это могло отпугнуть неопределившихся избирателей. Штаб соперника активно раздувал тему, что Феттерман «неспособен служить». Тем не менее, избиратель Пенсильвании в итоге избрал его, что свидетельствует: стратегия искренности оправдалась, по крайней мере в том контексте. Вероятно, сыграло роль и то, что Феттерман сумел совместить признание проблем с демонстрацией, что он эффективно работает над восстановлением. Например, незадолго до выборов он опубликовал заключение врача о значительном прогрессе и том, что он «когнитивно в порядке». Эта прозрачность лишила оппонентов монополии на информацию о его здоровье.

Кейс Феттермана показывает, как современная политическая культура начинает принимать образ лидера не как супермена, а как обыкновенного человека с проблемами. Его травма не связана с идеологией или преследованием, а сугубо личная, биологическая. Но и она может быть политически значимой: в эпоху пандемии COVID-19, когда тема здоровья и ментального благополучия стала публичной, лидеры, говорящие об этих темах, находят отклик. Конечно, стратегия Феттермана сработала в лояльном окружении – либерально-урбанистском обществе, где ценится аутентичность. Едва ли подобный подход был бы успешен в более консервативной среде, где до сих пор ожидают от лидера имиджа «сильного и здорового». Тем не менее, случай Феттермана может служить ориентиром, что признание уязвимости не всегда снижает, а подчас и повышает репутацию, если сопровождается упорством и прозрачностью.

Садыр Жапаров: политизация личной травмы и мобилизация через образ мученика

Политическая биография действующего президента Кыргызской Республики Садыра Жапарова представляет собой яркий пример институционализации личной травмы в политическом дискурсе постсоветской Центральной Азии. Его имидж формировался не только на основе антисистемной риторики, но и на мощном эмоциональном капитале, выстроенном вокруг серии трагических событий в личной жизни, которые были активно интегрированы в публичный нарратив. Будучи осуждённым в 2017 году на 11,5 лет за якобы организованные беспорядки и насильственное удержание губернатора, С.Жапаров был представлен своими сторонниками как политзаключённый, пострадавший от коррумпированных элит. Ключевым элементом этой имиджевой конструкции стал инцидент

в СИЗО-1: стремясь добиться освобождения задержанных близких, Жапаров порезал себе руку и шею. Фотографии окровавленного политика на носилках широко распространились в медиа и социальных сетях, закрепив визуальный образ человека, решившегося на самопожертвование, чтобы спасти свою семью и сторонников (*Kaktus.media*, 2017). Этот акт самоповреждения не только вызвал сочувствие, но и стал точкой отсчёта для дальнейшего превращения его в символ борьбы с системой. Трагизм усиливался последующими потерями: находясь в заключении, Садыр Жапаров лишился отца и матери, скончавшихся, по сообщениям близких, от «переживаний и горя». Далее, в 2019 году в результате дорожно-транспортного происшествия погиб его старший сын Дастан. Однако реакция Жапарова на эту утрату была включена в его публичный образ: он публично простил виновника аварии, что представило его как человека, способного к прощению даже в экстремальных условиях личной боли. Тем самым конструировался имидж не только жертвы, но и морального авторитета, способного превзойти личную обиду, демонстрируя великодушие и моральную стойкость.

Рис. 3. Сторонники Садыра Жапарова с флагами Кыргызстана митингуют в Бишкеке, октябрь 2020 г.

Несмотря на нахождение в заключении, Садыр Жапаров оставался активно вовлечённым в политическую и информационную повестку. Позднее в интервью СМИ он сообщил, что вёл около 50 групп в мессенджере WhatsApp (*Коммерсантъ*, 2021), поддерживал переписку с редакциями средств массовой информации. Такая цифровая активность демонстрировала его способность к управлению и мобилизации даже в условиях изоляции, а также усиливала percepцию его как лидера, находящегося в постоянном диалоге с обществом.

Возвратившись в политику на волне протестов октября 2020 года, Жапаров был юридически освобождён из колонии и в кратчайшие сроки прошёл путь от временного премьер-министра до избранного президента. Важным элементом его легитимации стал образ лидера, достойно пережившего утраты и внушающего доверие как морально состоятельная фигура. Эту идентичность усиливало использование метафор. На предвыборных встречах одна пожилая женщина назвала Жапарова «лампочкой» – символом света и надежды. Это прозвище получило широкую популярность, а позднее, после начала президентского срока и реализации радикальных реформ, в частности, национализации

стратегического золоторудного месторождения Кумтор, он был переосмыслен как «прожектор» – дающий свет более мощно и целенаправленно (24.kg, 2024).

Показательно, что Садыр Жапаров с первых дней у власти начал активную реструктуризацию политической системы. Он инициировал конституционную реформу, усилившую президентскую власть, обосновывая это необходимостью персональной ответственности: в условиях политического кризиса, по его словам, стране был необходим единый центр принятия решений. Для части населения, уставшей от слабости предыдущего президента и государственных институтов, выборных манипуляций и повсеместной коррупции, такая аргументация оказалась убедительной. Здесь индивидуальная травма конвертировалась в коллективный запрос на порядок и справедливость.

Имидж Садыра Жапарова на начальных этапах его президентства оформился как синтез личного страдания и национального возрождения. Одним из ключевых символических актов его президентства стало собрание бывших президентов Кыргызстана, на котором Жапаров инициировал примирение и публичное прощение. Этот жест был воспринят как попытка национального катарсиса, а сам Садыр Жапаров был сопоставлен с героической фигурой Манаса – эпическим объединителем кыргызского народа. Такая ассоциация окончательно закрепила его за пределами обыденной политики, придав образу сакральный оттенок. Немаловажно и то, что Жапаров делал акцент на использовании кыргызского языка в публичной коммуникации, что усиливало его образ «человека из народа». Его риторика была насыщена простыми, эмоционально окрашенными формулировками, создающими эффект подлинности и сопричастности. В условиях социальной поляризации и недоверия к элитам это способствовало усилению личной харизмы и снижению дистанции между лидером и населением.

Таким образом, в кейсе Садыра Жапарова личная травма (тюремное заключение, потеря родителей, саморазрушающий акт, трагическая гибель сына) была институционализована в мощный символический ресурс. Его публичный образ стал полем синтеза страдания, прощения и решительности, служащих одновременно инструментом мобилизации и обоснования концентрированной власти. В условиях эрозии доверия к формальным институтам, такая стратегия оказалась высокоэффективной, предлагая эмоциональный резонанс и фигуру лидера, символически представляющего коллективную боль нации. При этом, в отличие от классических фигур морального авторитета, например, Нельсона Манделы, Жапаров использует свою травму не в либерально-гуманистическом ключе, а скорее как инструмент персоналистской легитимации, свойственный постсоветским режимам с выраженной лидерской доминантой.

Его случай позволяет выделить важный паттерн: в обществах с высокой степенью травматического коллективного опыта, личная биография лидера становится ареной политической идентификации. Использование «травмы» у Жапарова выходит за рамки риторики — оно становится механизмом политической мобилизации и способом придания власти морального и почти сакрального статуса.

Сравнительный анализ

Общие паттерны. Рассмотренные кейсы, при всей их уникальности, демонстрируют несколько общих закономерностей в использовании личной травмы для политического имиджмейкинга:

1. *Трансформация слабости в силу.* Все четыре лидера превратили личную травму, то, что обычно считают слабостью, в источник политической силы. Мандела сделал тюремное прошлое символом морального превосходства, Су Чжи — стойкости, Феттерман — честности, Жапаров — борьбы с системой. Общая стратегия — **рефрейминг травмы**: страдание подаётся не как повод для жалости, а как доказательство силы, принципиальности и близости к народу. Это основано на концепции посттравматического роста: лидер демонстрирует, что стал сильнее и мудрее. В результате — уважение и доверие вместо сочувствия.

2. *Апелляция к эмоциям и ценностям.* Травматический имидж воздействует прежде всего на эмоции людей — вызывает сочувствие, эмпатию и восхищение. Вокруг лидеров формируется аура героизма страдания. Общая ценностная рамка — **справедливость и моральное превосходство**. Лидер представлен как страдавший от несправедливости, но сохранивший нравственность (Мандела, Су Чжи), борющийся за правду (Жапаров) или честно признающий слабости (Феттерман). Такой образ выгодно контрастирует с циничными политиками и усиливает доверие.

3. *Идентификация с аудиторией.* Личный травматический опыт становится мостом между лидером и народом: «Я прошёл через то же, что и вы». Это создаёт ощущение общности. Мандела и Су Чжи разделили судьбу угнетённых, Феттерман — опыт болезни, близкий многим, Жапаров — борьбу с несправедливостью. Такой образ делает лидера «своим», усиливая доверие и **близость**. Исследования показывают: избиратели позитивнее оценивают тех, в чьём опыте узнают себя — особенно если тот опыт связан с преодолением трудностей.

4. *Медийное усиление нарратива.* СМИ сыграли ключевую роль в укреплении травматического имиджа. Мандела и Су Чжи получили глобальную огласку, став моральными символами. Феттерман использовал соцсети и лояльные медиа, Жапаров — локальные каналы и протестное «сарафанное радио». Везде повторялись узнаваемые образы: «27 лет тюрьмы», «инсульт», «сидел несправедливо» — они закрепляют в массовом сознании прочную связь между лидером, его травмой и её преодолением.

Различия и специфика. Наряду с общими моментами, сравнительный подход выявляет значимые различия, обусловленные личностью лидера, типом травмы и культурно-политическим контекстом:

1. *Характер травмы и нарратива.* Мандела и Су Чжи — узники совести, их травма связана с борьбой за свободу и права человека; нарратив — моральный триумф (прощение, ненасилие). У Жапарова — политическая травма в рамках внутренней борьбы; его образ строился как защитника национальных интересов и борца с коррупцией. Феттерман — личная медицинская драма, не связанная с репрессиями; его история — честность и стойкость обычного человека. Итог: у Манделы и Су Чжи — **универсалистский** имидж, у Жапарова — **популистско-конфронтационный**, у Феттермана — **индивидуально-психологический**. Это определяет масштаб влияния: от глобального до локального и национального.

2. *Культурно-религиозный фон.* У каждого лидера травматический имидж вписан в особую культурную рамку. У Манделы — африканская философия **ubuntu** (сопричастность, прощение). У Су Чжи — буддийские ценности терпения и

жертвенности. Феттерман действует в секулярной западной культуре, где важны **прозрачность, уязвимость** и открытость о психическом здоровье. Жапаров — продукт постсоветского пространства с патриархальной и популистской основой: образ мученика сочетается с наследием «культы репрессированных» и героев народного эпоса. Отсюда и различия в аудитории: Мандела и Су Чжи обращались ко всему обществу, включая либеральные круги; Жапаров — к традиционалистам из регионов; Феттерман — к прогрессивным городским избирателям.

3. Реакция оппонентов и общества. Травма не всегда защищает от критики. Мандела стал почти недостижим морально, хотя и он подвергался нападкам — справа за уступки, слева за компромиссы. Су Чжи долго была вне критики, но позже её образ «святой» померк, когда она стала прагматичным политиком. Феттермана жестко критиковали консерваторы за болезнь, но это вызвало волну сочувствия. Жапарова критикует городская интеллигенция, но среди народа он остаётся «своим». Итог: **травматический имидж поляризует** — сторонники видят в нём подлинность, противники — манипуляцию. Мандела — почти единственный случай близкого к общенациональному консенсусу.

4. Долговременность эффекта. Травматический имидж требует подтверждения действиями. У Манделы он укрепился: политика примирения соответствовала образу. У Су Чжи — наоборот: политическая практика не совпала с образом мученицы, что подорвало её репутацию. У Феттермана — вопрос остаётся открытым: неудачи могут обернуться критикой за «слабость». У Жапарова образ жертвы тускнеет по мере усиления президентской власти — чрезмерное давление на свободу выражения чревато снижением общественной поддержки. Вывод: **травма помогает стартовать**, но сохраняется эффект только при соответствии дел образу. Публика ждёт не только прошлого, но и новых подтверждений лидерства.

Эффективность и риски

Можно констатировать, что во всех четырёх случаях стратегии использования травмы достигли поставленных целей: Мандела и Су Чжи стали лидерами национального освобождения, Феттерман выиграл выборы в Сенат, Жапаров возглавил страну. Травматический капитал сыграл существенную роль в этих победах. Однако цена и риски различны. У Манделы и Феттермана эти стратегии в целом конструктивны: они способствуют состраданию и примирению – первый примирил расовые группы, второй способствует принятию людей с инвалидностью в политике. У Су Чжи и Жапарова – сложнее: опасность идеализации. Су Чжи идеализировали до степени, когда реальные сложности управления привели к разочарованию и, возможно, потере ею связи с реальностью ожиданий. Жапаров идеализирован сейчас большей частью общества, но, если он не осуществит обещаний, разрыв между образом и реальностью грозит новым витком дестабилизации – обманутые надежды часто ведут к апатии или агрессии.

Культурные особенности. Совокупно наши кейсы показывают, что травматические нарративы универсально вызывают отклик, однако культурный код влияет, какие именно формы отклика. В обществе с сильной христианской или буддийской традицией больше почёта к прощающим, мирным страдальцам (Мандела, Су Чжи). В секулярном индивидуалистском – ценят честность и преодоление (Феттерман). В традиционно-племенном – склоны к геройству (Жапаров). Но объединяет все культуры то, что история

преодоленной боли резонирует глубоко, ибо архетип героя-страдальца присутствует почти в каждом обществе (Иисус, Будда, Прометей, и т.п.). Политтехнологи это понимают: нередко биографии кандидатов приукрашивают «трудностями» для привлечения симпатии. Однако, как видно из наших случаев, самый сильный эффект достигается, когда история реальна.

Заключение

В ходе исследования выяснилось, что личные травмы могут стать мощным инструментом политического имиджмейкинга, но характер и эффективность этого инструмента сильно зависят от контекста и того, как травма интерпретируется самим лидером и обществом. Выводы нашего сравнительного анализа можно резюмировать следующим образом:

1. Личный травматический опыт может стать значимым ресурсом политической легитимации, усиливая доверие и формируя эмоциональную связь между лидером и обществом. В случаях Манделы, Су Чжи, Феттермана и Жапарова страдание стало важным элементом имиджа — от морального авторитета до «человека из народа». Однако такой образ формирует и завышенные моральные ожидания: от лидера ждут честности, мудрости, готовности к самопожертвованию. Несоответствие этим ожиданиям ведёт к репутационным потерям. Таким образом, превращая травму в политический ресурс, лидер берёт на себя символическое обязательство соответствовать сконструированному образу

2. Разные стратегии политизации травмы: прощение, стойкость, уязвимость, виктимность. Анализ кейсов позволяет выделить несколько моделей имиджевой капитализации травмы. «Великодушный примиритель» (Мандела) — эффективна в условиях постконфликта: через прощение лидер символически преодолевает прошлое и укрепляет моральную легитимность. «Икона стойкости» (Су Чжи) — применима, когда у лидера нет иных ресурсов, кроме личного примера; её жертва становится источником символического капитала и международной поддержки. Однако переход от символа к правителю может ослабить имидж. «Открытая уязвимость» (Феттерман) — модель нового времени: лидер честно говорит о слабостях, что повышает доверие и снижает стигму, особенно в условиях запроса на прозрачность. Эффективна в рационально-демократических контекстах. «Герой-жертва» (Жапаров) — характерна для обществ с высоким уровнем недоверия к элитам: лидер позиционирует себя как жертву системы и выражает коллективное негодование. Это мобилизует, но может вести к персонализации власти и рискам авторитаризма. Таким образом, выбор стратегии зависит от политического контекста, типа травмы и аудитории — и несёт как возможности, так и ограничения.

3. Практическое значение результатов. Понимание того, как личная травма может использоваться в политическом имидже, важно для нескольких аудиторий:

○ *Для политических консультантов* – наши выводы показывают, что обращение к биографическим драмам может усилить кампанию, но требует тонкого управления: необходимо подать историю так, чтобы она вызывала эмпатию, но не жалость, и поддерживала имидж компетентности, а не слабости. Консультанты должны учитывать культурные коды – какие ценности связать с историей, например, религиозные мотивы прощения или секулярные мотивы стойкости.

○ *Для самих лидеров* – рефлексия над своим травматическим опытом и его публичной репрезентацией может помочь им стать ближе к людям, но также налагает ответственность за честность. Лидеру важно не переиграть, не создать впечатление манипуляции чувствами. Как показало исследование, искренность – ключевой фактор: общество в целом отличает искренне страдающего от цинично эксплуатирующего роль жертвы.

○ *Для гражданского общества и СМИ* – знание о феномене «травматического имиджа» помогает критически оценивать образ лидера, отделять реальное моральное лидерство от возможного популизма. СМИ, освещая подобные истории, должны стремиться к сбалансированности: сочувствуя человеческому опыту, всё же задавать критические вопросы о политических действиях.

○ *Для психологов и медиаторов* – результаты подтверждают ценность подходов, учитывающих персональную травму лидеров в процессах миростроительства. Лидер, прошедший через травму, может быть эффективным медиатором (как Мандела), но если его травма порождает жажду реванша – это сигнал риска (как могло бы быть у Манделы, поступи он иначе)

4. ***Перспективы и тенденции.*** В современной политике личная уязвимость становится всё более легитимным элементом имиджа. Молодые поколения ценят эмоциональную открытость и заботу о психическом здоровье, что создаёт спрос на «человечных» лидеров. Признания в слабости уже не ослабляют, а усиливают харизму – при условии, что они воспринимаются как подлинные. Однако в эпоху постправды нарастает риск манипуляций: травма может быть инструментализована в псевдовиктимной риторике, оправдывающей популизм или авторитарные практики. Ключевой вызов — различать искреннюю травматическую харизму (как у Манделы) и стратегическую эксплуатацию страдания.

Подводя итог, можно отметить, что личная травма, будучи грамотно интегрирована в структуру политического нарратива, способна выполнять функцию важного символического ресурса в процессе формирования публичного имиджа. В рамках политического имиджмейкинга травматический опыт нередко переосмысливается и репрезентируется как доказательство подлинности, моральной устойчивости и близости лидера к «простым людям», превращаясь тем самым в символический «орден» – знак заслуженного страдания и преодоления. Такой элемент образа может вызывать у аудитории доверие, сочувствие и уважение, усиливая эмоциональную вовлечённость и легитимность лидера. Однако он не является гарантией политической непогрешимости. Более того, устойчивость имиджа, основанного на травме, предполагает постоянную работу по поддержанию и обновлению ассоциативных связей между личным опытом и текущими действиями лидера. Это требует высокой степени саморефлексии и стратегической последовательности. В успешных случаях включение травматического опыта в имиджевую стратегию способствует формированию более гуманистского и эмпатийного стиля политической коммуникации. В неудачных – может приводить к обострению общественного скепсиса, росту разочарования и распространению цинизма по отношению к политическому полю в целом. Таким образом, в контексте политического имиджмейкинга важно учитывать двойственную природу символизации травмы: с одной стороны, она может стать источником дополнительной легитимации и усиления харизмы, с другой – обернуться риском, если окажется

использованной исключительно как инструмент самопромоции, оторванный от реальных ценностных ориентиров и практик, соотносящихся с общественным интересом.

Литература:

1. Омуракунова, А., Касыбеков, А. (2025). Формирование политического имиджа в Кыргызской Республике: социологический подход. *Вестник Ошского государственного университета*, (2), 40–51. https://doi.org/10.52754/16948610_2025_2_4
2. Ackerman, R.H., Maslin-Ostrowski, P. (2004). The wounded leader. *Educational Leadership*, 61(7), 28–31.
3. Dell'Osso, L., Lorenzi, P., Nardi, B., Carmassi, C., & Carpita, B. (2022). Post Traumatic Growth (PTG) in the frame of traumatic experiences. *Clinical Neuropsychiatry*, 19(6), 390–393. <https://doi.org/10.36131/cnfioritieditore20220606>
4. Lilleker, D.G., Jackson, N.A., & Scullion, R. (Eds.). (2006). *The marketing of political parties: Political marketing at the 2005 British general election*. Manchester University Press.
5. Nouwen, H. (1972). *The wounded healer: Ministry in contemporary society*. New York: Doubleday.
6. Reher, S. (2021). How do voters perceive disabled candidates? *Frontiers in Political Science*, 2, Article 634432. <https://doi.org/10.3389/fpos.2020.634432>
7. Sampson, A. (2011). *Mandela: The authorised biography*. London: HarperCollins. 704 p.
8. Tedeschi, R.G., & Calhoun, L.G. (1996). The Posttraumatic Growth Inventory: Measuring the positive legacy of trauma. *Journal of Traumatic Stress*, 9(3), 455–471. <https://doi.org/10.1007/BF02103658>

Интернеттен алынган маалыматтар

1. Аун Сан Су Чжи: икона демократии в Мьянме, впадшая в немилость. (2021, 6 декабря). *BBC News Русская служба*. <https://www.bbc.com/news/world-asia-pacific-11685977>
2. ОНС ГСИН: Жапаров порезал себя из-за протеста против власти. (2017, 2 апреля). *Kaktus.media*. [https://kaktus.media/doc/355074_ons_gsin: japarov_porezal_sebia_iz_za_protesta_protiv_vlasti.html](https://kaktus.media/doc/355074_ons_gsin:_japarov_porezal_sebia_iz_za_protesta_protiv_vlasti.html)
3. «Прожектором» назвала Садыра Жапарова делегат Народного курултая. (2024, 20 декабря). *24.kg*. https://24.kg/obschestvo/314910_projektorom_nazvala_sadyira_japarova_delegat_narodnog_o_kurultaya/
4. Aung San Suu Kyi: Myanmar democracy icon who fell from grace. (2021, December 6). *BBC News*. <https://www.bbc.com/news/world-asia-pacific-11685977>

5. Nelson Mandela's death: 'Forgiveness united South Africa'. (2013, December 6). *BBC News*. <https://www.bbc.com/news/uk-wales-17613600>
6. Aung San Suu Kyi – Nobel Peace Prize acceptance speech (delivered by Alexander Aris). (1991). *NobelPrize.org*. <https://www.nobelprize.org/prizes/peace/1991/kyi/acceptance-speech/>
7. John Fetterman says stroke he suffered ‘changes everything’ about his life. (2022, October 12). *The Guardian*. <https://www.theguardian.com/us-news/2022/oct/12/john-fetterman-stroke-interview-oz-senate-race>
8. Zhawgo, J. (2020, February 11). In pictures: 30 years since Nelson Mandela became a free man. *Al Jazeera*. <https://www.aljazeera.com/gallery/2020/2/11/in-pictures-30-years-since-nelson-mandela-became-a-free-man>
9. Pikulicka-Wilczewska, A. (2021, January 12). Kyrgyzstan’s Sadyr Japarov: From a prison cell to the presidency. *Al Jazeera*. <https://www.aljazeera.com/features/2021/1/12/sadyr-japarov-from-a-prison-cell-to-the-presidency>
10. «В тюрьме ты 24 часа в сутки свободный человек». (2021, 10 января). *Коммерсантъ*. <https://www.kommersant.ru/doc/4639707>
11. Fetterman, J. (2022, November 7). How Fetterman’s stroke changed his campaign – and the disability conversation (J. Sweitzer, Interviewer). *City & State Pennsylvania*. <https://www.cityandstatepa.com/politics/2022/11/how-fettermans-stroke-changed-his-campaign-and-disability-conversation/379158/>